
Сравнительная поэтика

Обыкновенный случай: «диалог» Гончарова со Скрибом

DOI: 10.31425/0042-8795-2018-4-286-300

Светлана Константиновна Казакова

кандидат искусствоведения

литературовед

(119002, Россия, г. Москва, пер. Сивцев Вражек, д. 43, пом. 417;

email: svka@inbox.ru)

Аннотация. Статья предлагает новую интерпретацию романа И. Гончарова «Обыкновенная история». Эпилог романа трактуется не как перерождение героев, а как раскрытие их подлинной сущности. Сопоставление с творческим методом Скриба помогает выявить особый прием Гончарова, названный в статье нарративной иронией.

Ключевые слова: И. Гончаров, Э. Скриб, «Обыкновенная история», аллюзия, «хорошо сделанная пьеса», qui pro quo, нарративная ирония.

Статья поступила 02.11.2017.

Напрасно я ждал, что кто-нибудь и кроме меня прочтет между строками... Но этого не было.

И. Гончаров

В 1838 году (почти за 10 лет до выхода первого романа Гончарова «Обыкновенная история») в России был издан анонимный перевод комедии Э. Скриба и Ф. де Курси «Обыкновенный случай»¹ [Скриб, де Курси 1848]; французское название — «Simple histoire», то есть почти буквально «Обыкновенная история». Сюжет пьесы как таковой с романом Гончарова не связан; французский водевиль построен на забавной путанице внутри любовного треугольника²; но дело не в сюжете.

Помимо заглавия, «Обыкновенную историю» и «Обыкновенный случай» объединяет еще несколько совпадений. Как было принято в то время, перевод комедии представлял собой весьма вольное «приспособление» оригинала к русским обычаям и нравам. В частности, переводчик убрал из пьесы немаловажное действующее лицо — учителя, бывшего наставника главного героя, который по старой памяти продолжает его воспитывать. Переводчик Скриба счел, что русскому читателю и зрителю эта сюжетная линия будет чужда, и учитель был заменен на суровую тетушку, которая на правах родства докучает наставлениями своему давно повзрослевшему племяннику. Как сказано в Предисловии к изданию, «учитель, сохраняющий право бранить своего 40-летнего экс-ученика, как ребенка, не совсем как-то подходит к нашим нравам; вот причины, побудившие меня <...> превратить учителя в тетку — ей свойственно было со-

---

¹ См.: «Печать позволяет <...> М. 1838 г. Февраля 12 дня. Цензор Василий Булыгин» [Скриб, де Курси 1848: 2].

² Герой и героиня водевиля — опекун и его воспитанница — влюблены друг в друга, но оба не подозревают о взаимности. Заботясь о счастье девушки, герой чуть было не устраивает ее свадьбу с настойчивым ухажером, но, разумеется, пьеса заканчивается счастливым узнаванием истинного положения дел и устранением всяческих препятствий.

хранить дамскую привычку — противуречить милому племяннику, которого она малюткой носила на руках» [Скриб, де Курси 1848: 4].

Гончаров строит свой роман на той же «родственной антитезе», развивая линию «дядя — племянник».

Приспособление к русской сцене предполагало, конечно же, и замену имен действующих лиц. Главного героя Скриба (племянника) переводчик окрестил Александром Федоровичем; это же имя носит Адуев-младший, герой «Обыкновенной истории», что еще больше сближает роман с комедией.

Вероятность того, что в двух одинаково озаглавленных произведениях («Обыкновенная история» Гончарова — «Simple Histoire» / «Обыкновенный случай» Скриба) совершенно случайно и неумышленно у главных героев-племянников оказались одинаковые имена и отчества, конечно же, существует, но она представляется ничтожно малой. Невероятным кажется как само совпадение, так и то, что автор «Обыкновенной истории» мог не знать о водевиле.

Логично предположить, что Гончаров следил за новинками драматургии; артистическая среда не была ему чужда. Еще студентом Московского университета будущий писатель увлекся театром; его ближайшие друзья были тесно связаны с профессиональной сценой (семья Майковых, Ф. Кони). Особенно трудно поверить в неосведомленность Гончарова, учитывая личность переводчика. Переложение комедии Скриба и де Курси было выполнено князем В. Голицыным³, персоной весьма известной в просвещенных кругах Москвы и Петербурга (в разное время писатель-дилетант общался с Пушкиным, Вяземским, Лермонтовым, Гоголем). Комедия была поставлена на московской сцене⁴; издание текста замечено, хотя и не одобрено критикой. Играя на ироничном оттенке смысла заглавия, автор

---

³ При издании пьесы переводчик указан не был. Об авторстве В. Голицына см.: [Русские... 1989: 607].

⁴ Первая постановка осуществлена 13 октября 1838 года. См.: [История... 1978: 288].

журнального библиографического обзора писал: «Случай очень обыкновенный: хорошенький водевиль плохо переведен. Это сплошь случается»⁵.

А если Гончаров о переводе пьесы «Обыкновенный случай» знал, то допустил бы он подобные «скрещения»? Насколько творческие совпадения могли быть значимы для романиста, позволяет понять известное письмо к издателю «Отечественных записок» А. Краевскому от 12 мая 1848 года. Вскоре после триумфального выхода в свет «Обыкновенной истории» Краевский задумал печатать в своем журнале английский роман «Simple story» — под заголовком «Обыкновенная история». Гончаров возражал и настаивал на заглавии «Простая история».

Обращаясь к этому письму, исследователи прежде всего выделяют то, как Гончаров определил разницу между простой и обыкновенной историей («...простая история — то есть история не сложная, не запутанная, без эффектов и нечаянностей <...> тогда как обыкновенная история значит история — так по большей части случающаяся, как написано»). Иногда говорят о том, что писатель боялся обвинений в плагиате («и так уже <...> говорили, что я перевел свое сочинение с английского»). И почти игнорируют фразу: «...довольно и одинаких заглавий, чтоб подать повод к нелепому сравнению обоих романов». И далее: «...причем вывод окажется, конечно, не в мою пользу: роман мисс Инчбальд несравненно выше моего...» [Гончаров 1955: 240]. Сократовская ирония самоуничтожения и просторечность высказывания отвлекают от глубины его содержания. Совершенно очевидно, что Гончаров обращал внимание на совпадения и старался избегать ненужных ему творческих параллелей. По сути, речь идет о понимании интертекстуального пространства как важного фактора рецепции литературного произведения.

---

⁵ Примечательно, что журналист продолжил ироничную игру в своем в следующем комментарии: «Вот еще обыкновенный случай: плохие детские книги...» [*Литературная...* 1838: 38].

Крайне любопытно, что сюжет водевиля Скриба «Обыкновенный случай» основан как раз на событиях романа «Простая история» Э. Инчбальд. При этом от сравнения с романом Гончаров отрешивается, а на водевиль, как кажется, намекает. Это заставляет предположить, что параллели заложены не в сюжетной линии, а коренятся в вопросах творческого метода. Это, кстати, вносит дополнительный нюанс в мотивировку письма к Краевскому — возможно, множественные ассоциации (и с романом, и с пьесой) размывали замысел Гончарова, отвлекали от нужной ему аллюзии к переводу французской комедии.

Для того чтобы предположить, какие ассоциации хотел создать Гончаров, вспомним значение Скриба в глазах его современников и в истории литературы. Мнение о водевилисте всегда было двойственным. Скептическое отношение к баснословной плодовитости автора и легковесности его опусов сопровождалось несомненным признанием технического мастерства короля интриги. «...Кто двадцать лет владел общим вниманием публики германской, французской, английской, русской, — писал Н. Полевой, — тот <...> не может не иметь каких-нибудь достоинств, и по крайней мере он угадал тайну увлекать свой век» [Полевой 1840: 5].

Имя Эжена (или, как его называли в России в XIX веке, Евгения) Скриба прочно срослось с понятием «хорошо сделанная пьеса» (иногда говорят «хорошо сшитая пьеса»). В ее основе лежит нагромождение недоразумений, путаница — то, что обозначают латинским выражение *qui pro quo* (то есть одно вместо другого). Один из шаблонов *qui pro quo* — персонаж, который оказывается не тем, кем виделся изначально.

Краткое изложение принципов «хорошо сделанной пьесы» сводится к следующему: от некоторых персонажей скрыта ключевая информация, при этом она может быть известна другим действующим лицам и/или публике. Существенную роль в хорошо сделанной пьесе играет предыстория событий, которая ненавязчиво раскрывается, как правило, по ходу первого акта. Далее следует черед сюжетных поворотов, поддерживающих драматиче-

ское напряжение. И все венчает перипетия, резко меняющая положение героев. Недоразумения рассеиваются, все препятствия для счастья устраняются.

Знаменитая «уловка Скриба» — «заставлять людей говорить не то, что им следовало бы сказать, а то, что о них думает в это время зритель» [Тургенев 1980: 496]. Скриб знал, какой эффект производит на публику персонаж, который «вследствие непонимания обстоятельств» делает «совершенно противоположное тому, что должен бы делать» [Луначарский 1965: 408]. Французский комедиограф был необычайно виртуозен и неистощим в изобретении двусмысленных положений, сбивал своих героев с толку, все больше и больше усугубляя их ошибки.

При этом Скриб отлично понимал, что недоразумения и нелепости нужно обосновать. Зритель должен видеть не произвол автора, а логику событий. «В этом и заключается остроумие комедии положений: сделать возможным невозможное» [Луначарский 1965: 408].

Современники заметили, что у Скриба «нет ни одной бесполезной фразы, бесполезного слова <...> никто не говорит, никто не ходит случайно: все рассчитано, все предвидено, все предуготовлено...» [Драма... 1849: 79]. Эта мысль Густава Планша была известна в России. Высказанная по поводу пьесы «Адриенна Лекуврер», она поднимается до обобщающей характеристики творчества французского драматурга. Скриб

отдает первый акт, редко часть второго — экспозиции пьесы: тут он строит свой маленький механизм, тут он протягивает свои нити, производит втихомолку всю работу по подготовке почвы для действия, и вся забота его заключается в том, чтобы, с одной стороны, не забыть ничего необходимого для придания вероятности невероятному, а с другой стороны, заслонить экспозицию эпизодическими фигурами, ловкими характеристиками и т. п., чтобы она не показалась голой, скучной [Луначарский 1965: 409].

Именно по этой схеме развивается и роман Гончарова «Обыкновенная история». В первой главе автор представляет читателю главное действующее лицо — помещи-

ка Александра Федоровича Адуева, юношу с репутацией чувствительной, творческой, возвышенной натуры.

Между тем при внимательном прочтении можно заметить, что герой проявляет малозаметные, но весьма тревожные признаки душевной черствости. Его представления об идеалах весьма расплывчаты, а цели, как намекает автор, подсказаны университетским окружением, но не осознаны глубоко самим Адуевым-младшим. «Червоточина» в его характере давно подмечена исследователями и даже вошла в хрестоматийные разборы произведения. Так, еще в 1911 году В. Павлов писал: «...присмотревшись ближе к этому 20-летнему романтику, мы увидим, что во всех своих благородных мечтах Александр Адуев выдвигает на первый план не идею, не идеал, которому он готов служить, но себя самого, как центр, вокруг которого все вращается» [Павлов 1911: 26]. Эти умозаключения не были развиты в обобщающую концепцию; между тем пристальное наблюдение за юным героем ведет к выводам, которые меняют традиционный взгляд на роман в целом.

«Обыкновенная история» начинается с описания утра отъезда барина в столицу. В решающий день Александр, в отличие от других действующих лиц, спит богатырским сном, не теряет аппетита, трогательного сердечного внимания к близким не демонстрирует⁶. Эта косвенная характеристика заставляет вспомнить цитату из классического примера *qui pro quo* — «Мнимого больного» Мольера: «Он ходит, спит, ест и пьет, как все люди, но тем не менее он очень болен» (перевод с франц. Т. Щепкиной-Куперник). Александр Адуев ведет себя как обычный эгоист, но тем не менее он очень чувствителен.

Во второй главе появляется еще один герой — Петр Иваныч Адуев, дядя Александра, успешный заводчик и чиновник, чуждый сентиментальных глупостей. Гончаров дает почти театральную экспозицию — Адуев-старший чита-

---

⁶ Подробно проблема несоответствия поведения Александра Адуева идеалам чувствительного героя рассмотрена в нашей статье [Казакова 2017].

ет письма от земляков, в том числе послание деревенской подруги юности. Из него мы узнаем, что в ранние годы Петр Иванович, как и все, влюблялся и совершал глупости (то есть «подвиги») ради своего предмета обожания.

Адуев-старший делает вид, что воспоминания его не тревожат, однако первый же явленный читателю поступок персонажа *противоречит* этому предположению. Поначалу успешный петербуржец чурается отношений с деревенскими родственниками, не считая себя обязанным принимать участие в их судьбе. И тем не менее, вопреки логике собственных рассуждений, Петр Иванович Адуев не отказывает племяннику в поддержке. Что же склонило чашу весов? Парадоксально, но мотивом оказались чувствительные воспоминания о собственном отъезде из деревни: ласковые слова на прощанье, пироги, которые собрала ему в дорогу невестка, а также ее последнее напутствие — надежда на то, что, может быть, когда придет время, он приласкает Сашеньку⁷. И вот — несмотря на доводы рассудка — Адуев-старший берет на себя опеку над племянником.

Далее следуют феерические диалоги, которые заставляют пожалеть о том, что Гончаров не стал драматургом. Из словесных баталий дяди и племянника, кстати, выясняется, что Адуев-старший, разыгрывая роль приземленного человека, прибегает к откровенной лжи. «Знаков терпеть не мог», — уверяет он племянника в очередном споре (речь идет о вещественных знаках нелических отношений — прядях волос, колечках и прочих памятных мелочах). Но читателю уже известно, что в юные годы Петр Иванович вытащил ленточку из комода своей деревенской подруги, о чем та не преминула напомнить ему в своем трогательном письме.

На протяжении повествования Гончаров позволяет своим героям сохранять амплуа «чувствительного» и «холодно-

---

⁷ В «Пособии для учащихся и учащихся» столетней давности это обстоятельство было упомянуто в сжатом изложении содержания «Обыкновенной истории», что, однако, никак не отразилось на выводах о характере Адуева-старшего [*«Обыкновенная...»* 1912: 20, 36].

го» (воспользуемся карамзинскими типажам) и вместе с тем оставляет для внимательного читателя знаки, намекающие на иное, противоположное, распределение ролей. Один из «ключей» к характерам гончаровских персонажей — рассыпанные по тексту описания их жилых помещений.

Кабинет Петра Иваныча не лишен артистизма. Стол, этажерка заставлены «разными мелкими вещицами»: бюстниками, фигурками (Гончаров упоминает об этом не единожды). Недоумение вызывает невесть откуда взявшаяся бисерная корзинка для бумаг. По моде того времени вышитые мелкими бусинами предметы дарили на память, в знак любви; их хранили как реликвии. В литературе тому немало примеров, достаточно вспомнить маниловский чехольчик для зубочистки («Мертвые души», глава II) или узорный бисерный чубук пылкого штаб-ротмистра Гарина, «идеала девиц» («Тамбовская казначейша» Лермонтова). Загадка, как в этой компании мог оказаться практичный, здравомыслящий Петр Иваныч Адуев?

О квартире Александра мы знаем немного — Гончаров предельно скуп в ее описании. Камин, стол, кресла, связка бумаг на шкафе; тетради, листки и клочки в ящиках; покосившаяся светильня с неснятым нагаром — вот, пожалуй, и все, что удастся «выловить» из текста. Автор не назвал ни одной детали, за которую мог бы зацепиться взыскательный взгляд эстета. Можно ли безликость и даже некоторую неряшливость обстановки оправдать неумением или нежеланием героя обживать съемную квартиру? Гончаров дает ответ на этот вопрос в эпизоде, где Александр с Юлией Тафаевой строят планы о «будущем порядке в доме». Даже в своих мечтах молодой человек не идет дальше прозаической целесообразности: он весьма эгоистически желает обратить уборную Юлии в свой кабинет — «так, чтоб было подле спальни» (в другом эпизоде Гончаров будто мимоходом упоминает роскошный будуар жены Петра Иваныча). На вопрос о мебели Александр предлагает ореховую с синей обивкой («Это очень мило и не марко...» — соглашается Юлия). Вновь мы не находим ничего, что раскрыло бы в Адуеве-младшем сентиментального героя или романтика с художественным вкусом.

Сравнение интерьеров дяди и племянника Адуевых озадачивает. Гончаров морочит читателя — кто из его героев

чувствителен и артистичен? кто прозаичен и сух? Персонажи как будто поменялись местами. Детали убранства комнат не соответствуют сложившимся представлениям об их хозяевах. По замыслу автора, глубинные, подспудные проявления личности вступают в противоречие с внешними амплуа «чувствительного племянника» и «холодного дяди».

В Эпilogue все встает на свои места. Перипетия, которую многие считали неподготовленной, на самом деле восстанавливает истинное положение вещей — раскрываются *подлинные* «я» героев, которые после долгих лет заблуждений наконец обретают себя. «Чувствительный» юноша превращается в циничного карьериста; деловой, расчетливый дядя бросает завод и службу ради здоровья чахнувшей жены.

«Обыкновенную историю» и «Обыкновенный случай» объединяет не только перекличка названий, но и идейно-эмоциональная трактовка изображаемого.

Дарование Скриба отважилось свести поэтическую историю сердца с трагического котурна и заключить ее в трогательнейшие сцены в рамках водевиля [Надеждин 1972: 372].

Мнение Н. Надеждина вполне могло повлиять на Гончарова: первый занимал должность ординарного профессора Московского университета как раз в годы обучения там будущего писателя, читал курсы теории и истории изящных искусств и логики.

Во всяком случае, идея внести комедийный элемент в «поэтическую историю сердца» явно просматривается в замысле «Обыкновенной истории». Гончаров будто бросил вызов Скрибу, взяв за основу его излюбленные темы. Узнаваемый типаж из пьес французского драматурга — честолюбивый молодой идеалист, которому приходится столкнуться с реальностью⁸. «Он (Скриб. — С. К.) надругался над

---

⁸ «...И в водевилях, и в комедиях (Скриба. — С. К.) легко отыскать застенчивого молодого человека без средств, но с идеей, с уверенностью в победе морали, с надеждой добиться успеха честным путем» [Дунаева 2006: 18].

мечтами юноши, чувствующего художественное призвание, и окружил его уважением и счастьем, когда он сделался честным конторщиком» [Герцен 1955: 35–36]. Разве это не похоже на внешнюю канву жизнеописания Адуева-младшего?

«Везде только и речи, что о деньгах, карьере, удаче <...> каждый акт честности, доброты, преданности неизбежно оплачивается деньгами, крупным приданым или хорошим наследством» [Лансон 1897: 131–132]. Разве эта характеристика героев Скриба не отдается эхом в образе Адуева-старшего с его разговорами о «карьере и фортуна»?

Французского автора много критиковали за поверхностных, однообразных, незапоминающихся персонажей. «...Что осталось нам от Скриба? Никто не помнит ни одного лица, ни одного события», — писал Гончаров А. Писемскому 18 апреля 1873 года [Гончаров 1955: 452]. Этого, разумеется, нельзя сказать о многогранных, неоднозначных героях самого Гончарова.

В романе «Обыкновенная история» автор попытался соединить занимательность почти водевильной интриги с незнакомой легкому жанру сложностью характеров и глубиной философской проблематики. Гончаровская идея непонимания героями собственной сути выглядит настоящим прорывом по сравнению с водевильным приемом сокрытия информации. Вместо ходульного мотива неполученного письма или иного похожего способа внесения путаницы Гончаров переносит механизм *qui pro quo* в психологическую, даже можно сказать в философско-антропологическую сферу, продолжая сократовскую тему «познай самого себя».

В заглавии романа — в едва заметной аллюзии к водевилю «Обыкновенный случай» — мог быть зашифрован намек на диалог. Вполне возможно, что отсылка к скрибовскому заглавию должна была, по мысли Гончарова, задать вектор прочтения его романа. «Обыкновенную историю» стоит воспринимать не как драму (и тем более не как трагедию), а как комедию ошибок с двойным счастливым концом — оба героя получают то, что соответствует их сути и подлинным жизненным запросам.

Допуская сравнение своего романа с водевилем Скриба, Гончаров мог рассчитывать на то, что, обратив внимание на

сходство, смогут оценить и различие даже в самом механизме вовлечения публики в интригу. Намеки Скриба просты и очевидны: французский автор обращается к среднему зрителю и льстит ему — позволяет посмеяться над попадающими впросак героями, наслаждаясь собственной осведомленностью и догадливостью. Гончаров действует иначе, он превосходит француза в деле маскировки — его «ключи» хорошо спрятаны. Гончаров ведет двойной диалог и выступает как автор-ироник, разделяя публику на два неравных лагеря. «Обыкновенная история» имеет два прочтения — с учетом и без учета тайных знаков автора (как роман воспитания и как психологический «извод» *qui pro quo*).

И в этом несомненный вклад романиста в развитие приемов повествовательной, или нарративной, иронии. Под *нарративной иронией* в данном случае понимается особый механизм построения литературного произведения, при котором в тексте заложены два противоположных смысла — очевидный и скрытый; при этом ни один из них не выражается в отдельной фразе, предложении, фрагменте. Очевидный смысл присутствует в структуре произведения как сам собой напрашивающийся вывод, к которому автор подталкивает читателя. Распознавание второго, имплицитного, содержания требует считывания ключей-подсказок. Во всяком случае, много лет спустя сам Гончаров писал о своих романах в статье «Лучше поздно, чем никогда»: «Напрасно я ждал, что кто-нибудь и кроме меня прочтет между строками... Но этого не было» [Гончаров 1955: 67]. Возможно, автор переоценил проницательность читателя и сделал свою «тайнопись» слишком сложной.

Литература

Герцен А. И. Письма из Франции и Италии // *Герцен А. И.* Собр. соч. в 30 тт. / Отв. ред. В. Волгин. Т. 5. М.: АН СССР, 1955. С. 7—224.

Гончаров И. А. Собр. соч. в 8 тт. / Подгот. текста и примеч. А. Рыбасова. Т. 8: Статьи, заметки, рецензии, автобиографии, избранные письма. М.: ГИХЛ, 1955.

Драма Скриба и критика Густава Планша // Современник. 1849. № 6. С. 67–83.

Дунаева Е. Все в этом мире построено на шарлатанстве // *Скриб Э.* Стакан воды: Комедии / Перевод с франц. Е. Гунста и др. М.: ЭКСМО, 2006. С. 5–28.

История русского драматического театра. В 7 тт. / Ред. Ю. Дмитриев и др. Т. 3. М.: Искусство, 1978.

Казакова С. «Карамзинский код» в романе «Обыкновенная история» // Вопросы литературы. 2017. № 1. С. 66–87.

Лансон Г. История французской литературы. XIX век / Перевод с франц. под ред. П. Морозова. СПб.: Ред. журн. «Образование», 1897.

Литературная летопись. Июль 1838. Новые книги // Библиотека для чтения. 1838. Том 29. № 7. С. 23–47.

Луначарский А. В. Скриб и скрибизм // *Луначарский А. В.* Собр. соч. в 8 тт. / Отв. ред. И. Анисимов. Т. 6. М.: Художественная литература, 1965. С. 407–411.

Надеждин Н. И. Литературная эстетика. Критика. М.: Художественная литература, 1972.

«Обыкновенная история», роман Гончарова. Пособие для учащихся и учащихся / Сост. Е. Рошал. СПб., 1912.

Павлов В. И. И. А. Гончаров: Разбор произведений. <Б. м.,> 1911.

Полевой Н. Мои воспоминания о русском театре и русской драматургии // Репертуар русского театра. 1840. Т. 1. Кн. 2. С. 4–5.

Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь / Гл. ред. П. Николаев. Т. 1. М.: Советская энциклопедия, 1989.

<*Скриб Э., Курси Ф. де*>. Обыкновенный случай, комедия-водевиль в одном действии / Перевод с франц. Харьков, 1848.

Тургенев И. С. Несколько слов о новой комедии г. Островского «Бедная невеста» // *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. в 30 тт. / Гл. ред. М. Алексеев. Т. 4. М.: Наука, 1980. С. 491–499.

References

[Anon.] (1838). Literary chronicle. July 1838. New books. *Biblioteka dlya Chteniya*, 29(7), pp. 23-47. (In Russ.)

[Anon.] (1849). Scribe's drama and Gustav Plansch's critical review. *Sovremennik*, 6, pp. 67-83. (In Russ.)

Dmitriev, Y. et al., eds. (1978). *History of Russian drama theatre (7 vols)*. Vol. 3. Moscow: Iskusstvo (In Russ.)

Dunaeva, E. (2006). Everything in this world is built on the quackery. In: E. Scribe, *A glass of water: Comedies*. Translated by E. Gunst et al. Moscow: EKSMO, pp. 5-28. (In Russ.)

Herzen, A. (1955). Letters from France and Italy. In: V. Volgin, ed., *The collected works of A. Herzen (30 vols)*. Vol. 5. Moscow: AN SSSR, pp. 7-224. (In Russ.)

Kazakova, S. (2017). 'The Karamzin code' in the novel 'A Common Story' ['Obyknoennaya istoriya']. *Voprosy Literatury*, 1, pp. 66-87. (In Russ.)

Lanson, G. (1897). *The history of French literature. The 19th century*. Translated under the editorship of P. Morozov. St. Petersburg: Red. zhurn. 'Obrazovanie'. (In Russ.)

Lunacharsky, A. (1965). Scribe and scribism. In: I. Anisimov, ed., *The collected works of A. Lunacharsky (8 vols)*. Vol. 6. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, pp. 407-411. (In Russ.)

Nadezhdin, N. (1972). *Literary aesthetics. Literary criticism*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. (In Russ.)

Nikolaev, P., ed. (1989). *Russian writers. 1800-1917: A biographical dictionary*. Vol. 1. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya. (In Russ.)

Pavlov, V. (1911). *I. A. Goncharov: A study of his work*. [S.l.]: [s.n.] (In Russ.)

Polevoy, N. (1840). My reminiscences about the Russian theatre and Russian drama. *Repertuar Russkogo Teatra*, 1, book 2, pp. 4-5. (In Russ.)

Roshal, E., ed. (1912). 'A Common Story' ['Obyknoennaya istoriya'], a novel by Goncharov. *A manual for teachers and students*. St. Petersburg: [s.n.] (In Russ.)

Rybasov, A., ed. (1955). *The collected works of I. Goncharov (8 vols)*. Vol. 8. *Articles, notes, reviews, autobiography, selected letters*. Moscow: GIKhL. (In Russ.)

<Scribe, E., Courcy, F. de>. (1848). *An ordinary case, a comedy-vaudeville in one act*. Translated from French. Kharkiv: [s.n.] (In Russ.)

Turgenev, I. (1980). A few words about a new comedy 'The Poor Bride' ['Bednaya nevesta'] by Ostrovsky. In: M. Alekseev, ed., *The complete works of I. Turgenev (30 vols)*. Vol. 4. Moscow: Nauka, pp. 491-499. (In Russ.)

A common case: A 'dialogue' between Goncharov and Scribe

DOI: 10.31425/0042-8795-2018-4-286-300

Svetlana K. Kazakova

Candidate of Art History

independent researcher

(43/417 Sivtsev Vrazhek Ln., Moscow, 119002, Russia;

email: svka@inbox.ru)

Abstract: The article suggests that I. Goncharov's *A Common Story* [*Obyknovennaya istoriya*] is founded on the principles typical of E. Scribe's works. The hypothesis opens up a new way for interpretation of Goncharov's novel. The comparative analysis is only logical due to the allusions found in *A Common Story*: both the title and the main character's name remind the reader of the Russian adaptation of Scribe's comedy *A Common Case* [*Simple Histoire*]. Goncharov's novel ends in an unexpected (at least, at first sight) development: in the Epilogue, the characters (the uncle and nephew Aduév) experience a complete personality change, with the sensitive youth becoming a cynic, and the calculating businessman of an uncle suddenly giving up his career for his ailing wife. On close examination, it is clear that the final transformation had been carefully prepared by the author – much like in Scribe's comedies. An observant reader may notice that Goncharov's characters are not who they seem: neither to people around them, nor to themselves. Their words contradicting their actions and intentions, the two heroes are finally unmasked in the Epilogue. The paper proceeds to state that Goncharov employs the comedic device of quiproquo to solve the philosophical problem of 'know thyself', and that his hiding of the clues to the novel's true meaning is an example of narrative irony.

Keywords: I. Goncharov, E. Scribe, *A Common Story* [*Obyknovennaya istoriya*], allusion, 'a well-made play', quiproquo, narrative irony.

The article was received on 2 Nov. 2017.